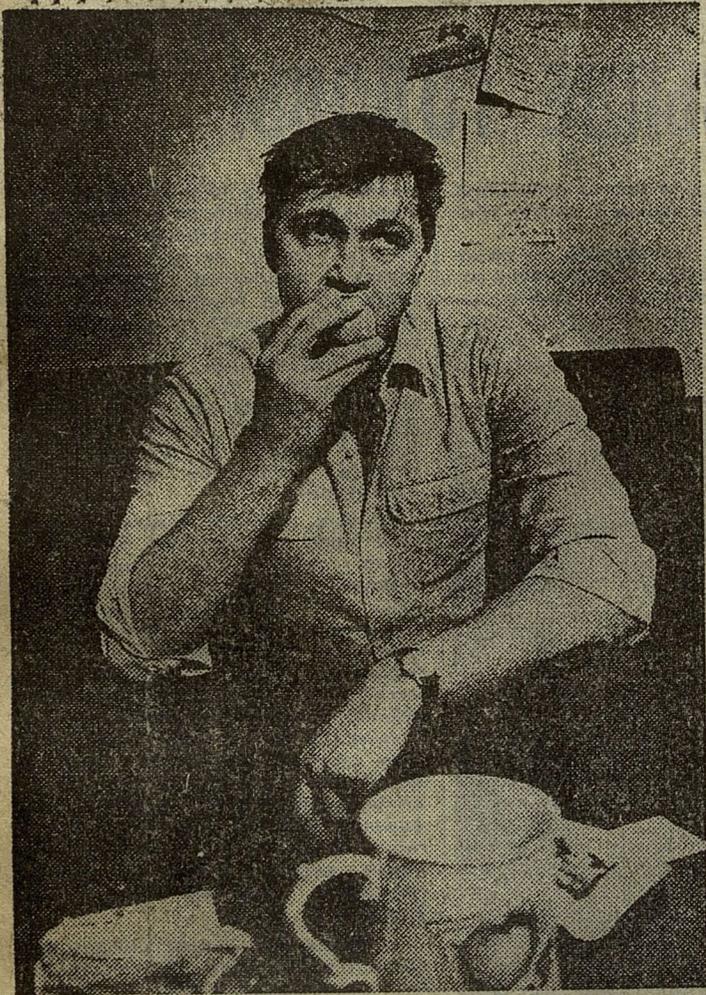

Смена - СПБ - 1994 - 30 июля - С.6.

Кирилл Набутов намерен придать новый вкус "Адамову яблоку"

Кирилл Набутов относится к породе тех русских мальчишков, о которых Федор Михайлович Достоевский любовно заметил, что дай им карту звездного мира, никогда до тех пор не виданную, и они тут же вернут вам ее исправленную. И хотя в свои тридцать семь Кирилл внешне слегка заматерел, но внутренняя его сущность этому определению вполне соответствует - он буквально фонтанирует энергией и идеями. Он берется за все, успевает во многом, не теряет популярности, имеет юмор и здравый смысл разумно относиться к критике, но не имеет времени критику эту учесть.

Если бы в сутках было больше, чем двадцать четыре часа, то и все двадцать девять Кирилл кавалерийскими наскоками неутомимо расправлялся бы со снежным комом дел, который рискует его в конце концов под собой погрести. По крайней мере в качестве того Кирилла Набутова, который должен быть светским, корректным, в роскошной форме - как ведущий популярной передачи для мужчин "Адамово яблоко".

Сейчас же он выглядит в собственной передаче случайным гостем более, чем его собственные гости - яблочные или неяблочные, - будто он влетел, задал вопросы, посмеялся нервно и одиноко и опять потонул в буквально обгладывающих его делах.

ЗВЕЗДЫ

- Кирилл, скажите, пожалуйста, вы занимаетесь специально проблемой собственного имиджа и придаете ли этой проблеме серьезное значение?

- К сожалению, я не работаю над своим имиджем абсолютно и считаю, что это большой просчет. Дело не в том, что я мог бы выглядеть лучше или хуже, заботясь я о своем имидже сознательно. Я могу кому-то нравиться, а кому-то не нравиться. Но лицо человека, его внешность, манеры, если этот человек выходит на экран, это уже в определенной степени товар. А товар нужно делать по возможности лучше, пряча недостатки и подчеркивая достоинства. Это закон. Но времени у меня на делание имиджа не хватает. Я должен делать деньги, чтобы существовала моя передача.

- А вам самому нравится ваша передача "Адамово яблоко"?

- Нет, не нравится.
(Надо заметить, что в этом месте Кирилл высказался более категорично и крепко. Вообще, ненормированная лексика - одна из отличительных особенностей изложения мыслей Кириллом. Но так как он человек внутренне без подделки интеллигентный и уж по крайней мере хорошо воспитанный, то обрушившийся на вас каскад крепких словечек шокирует, но не оскорбляет. Как, скажем, в попыхах наброшенное случайное платье, под которым узнаешь человека вполне благородного).

- А что вы испытываете, когда вам другие говорят об этом? Говорят ли вам в глаза нелицеприятные вещи об "Адамовом яблоке"?

- Говорят. Есть люди, естественно, которым резко не нравится просто все целиком. Ну не нравится им "Адамово яблоко". Это особый случай. Есть такие, которые всегда твердят: "старик - класс!". Ну, "класс, старик" и - что? За этим ничего не последует. Тех же, кто конструктивно меня критикует, я выслушиваю с большим вниманием, хотя мне это, понятно, и неприятно. Реагирую по-разному, конечно. В зависимости от настроения и от того, кто меня критикует. Иногда сам прошу: ну скажи, что, что не так! Другое дело, что уроки из ошибок как-то недосуг извлекать. Возможно, нам надо придумать новые правила игры. Не исключено, что после отпуска что-нибудь поменяется...

- Следует ли так понимать, что двадцать первого августа поклонники и критики "Адамова яблока" встретятся с какими-то качественными, а может быть, даже принципиальными переменами в популярной передаче?

- Как-то так получилось, что каждый раз после отпуска у нас какое-нибудь нововведение...

- И в какую сторону покажется "Адамово яблоко" на сей раз? Появятся ли большие эротические гости?

- Мне кажется, сейчас проблема "Адамова яблока" - в ведущем, то есть во мне. Фактически я сейчас выполняю роль конференсье. Второй момент заключается в том, что коль скоро мое лицо - нравится оно большинству или не нравится - на ленинградском телевидении стало своего рода товарным знаком, то надо этот знак и использовать больше. Я говорю это без комплексов, потому что лишен совершенно экранного тщеславия. И хотя товар - моя персона - и не самой высшей пробы, надо его все равно как-то разрабатывать, чтобы больше было общения, а не конференса...

- Ходят упорные слухи, что готовится издание журнала "Адамово яблоко". Вы что, мыслите себя отцом-основателем отечественного "Плейбоя"?

- Роль отца-основателя отечественного "Плейбоя" мне не очень улыбается. Хотя, может быть, это хорошая роль - крупный бизнес. Но я к этому не приспособлен и меня это не интересует. Для того, чтобы делать подобный журнал на конкурентном уровне, нужны такие деньги, которые сегодня вложить никто не сможет. Грубо говоря, это под силу только мафии - но станет ли мафия вкладывать свои деньги почем зря? Потому что себестоимость одного экземпляра такого журнала минимум 10-12 тысяч - его никто не станет покупать. Как в Москве - я сам видел - никто не покупает за такую стоимость подобный "Махаон". Да, когда в девяносто первом году мы начали в "Адамовом яблоке" выпускать на экран какие-то эротические моменты, то это вызвало у населения жуткий восторг, прорыв в "незнаемое", поскольку, естественно, в нашей стране до этого никто женскую грудь не видел. Частью же публики это было воспринято как невероятное падение нравов. Потом покатились общий вал - начали снимать плохие отечественные порнофильмы, появился журнал "Андрей", зашевелилась разная генитальная деятельность... Но хорошо у нас этого сделать просто нельзя по ряду причин, одна из которых - отсутствие больших денег, требующихся на этот недешевый товар. Западная же продукция доступна всем и каждому, кто готов заплатить, - ясно, что не веления патриотизма диктуют тут выбор. Мы же в течение трех лет приближались к созреванию "Адамова яблока" как плода, и теперь это уже достаточно точный символ греха, хорошо известный всем. Хотя эротика и секс в устных упражнениях доктора Щеглова, сделанного нами от ноля как телегероя, занимают у нас из шестидесяти минут эфира не более одной десятой или одной девятой части времени. Но все равно передача "Адамово яблоко" воспринимается как передача о сексе. Символ греха четко определился в сознании масс.

... Действительно, еще в марте прошлого года возникла такая мысль - а не сделать ли журнал "Адамово яблоко"? Брошенная в узкой компании, она стала приобретать движение, поскольку вокруг любого хоть чуть-чуть известного имени информация тут же начинает расходиться кругами. Дальше-больше. Но, как говорил профессор Борн из фильма "Мертвый сезон", даже если собрать вместе девять беременных женщин, все равно ребенок через месяц не родится - требуется время, чтобы его выносить.

Что же до идеи журнала - то да, хочется осуществить возможно большую экспансию нашего названия - "Адамово яблоко" - в разных областях. Это, если хотите, определенная цель. Причем, цель не материального интереса - можно дать название ресторану или ночному клубу, магазину спортивному... Но хочется дело делать. Процесс же идет очень медленно. Трудно собрать людей, с которыми хорошо и легко работать. Может быть, я конфликтный, малоконтактный человек. Но если у нас что-то совпадает, в работе просто кайф ловлю от одного общения, готов тратить время, нервы, средства...

- Простите, Кирилл, а может быть вы просто маетесь всеми этими делами, экспансиями, потому что не надо было вам уходить из спортивной тележурналистики? Признайтесь, тянет ведь вас это?..

Сложный вопрос. Когда я перешел в "Яблоко", подумал, что все-таки со спортом покончено. Как бы новая жизнь. Потому что мне казалось, я там все сказал, что мог. И понял, что мне не стать ни Озеровым, ни Набутовым-старшим. Я понял, что в профессии спортивного комментатора, который ведет прямой репортаж, мне никогда не стать на уровень своего отца. При том, конечно, что каждый принадлежит своей эпохе и своему времени. А потом получилось так, что меня неожиданно стали приглашать на разные спортивные соревнования москвичи, когда я ушел из ленинградского спортивного телевидения. И выяснилось, что мне от этого не оторваться. Хотя такой болезненной страсти к спорту, как раньше, когда я вообще не мог представить, чем же заниматься, если не спортом, уже нет. Сегодня меня спорт больше интересует с каких-то философских, что ли, позиций.

- Вам пришлось работать на Олимпийских играх в Лилле-хаммере. Как вы себя там ощущали?

- Совершенно другая работа. Там, как на фронте. Надо в три часа ночи - работаем в три. Надо в два - работаем в два. Я нервничал, когда ехал, потому что попал в общем случайно, людей не оказалось, и для меня это была такая проверочка личная. Ничего, выдержал. Возвращался совсем другим - выключился из нашего ритма рваного с бардаком и безответственности... Пожалуй, у меня осталось самое теплое воспоминание о тех днях.

- Кирилл, а какие-нибудь курьезы вам припоминаются из телевизионной практики?

- Да уж... Но запомнился курьез из первых моих журналистских шагов. На радио центральное взяли какой-то там мой репортаж с забегом по Дороге жизни. Я тогда еще молодой был. Сделал текст, интервью. Дело было зимой. Я описал, как бегут сотни людей, какой морозный воздух, как скрипит снег. И надо было подложить под это соответствующую фонограмму, как это делается на радио, чтобы фон был. Спрашиваю в редакции: "Есть у вас что-нибудь спортивное?" - "Есть, все сделаем". Я не проверил, что сделали. Вышли в эфир. Звонит мне редактор, матерится на чем свет стоит. В качестве фона на мою морозную трассу наложили шум из закрытого стадиона, где все время отчетливо падала сбитая планка - этот металлический звук сбитой планки с другим не спутаешь...

Надо заметить, что последнюю фразу, про звук со стадиона, который ни с чем не спутаешь, Кирилл сказал вдруг грустно - вроде как о первой любви вспомнил.

Совершенно другая работа. Там, как на фронте. Надо в три часа ночи - работаем в три. Надо в два - работаем в два. Я нервничал, когда ехал, потому что попал в общем случайно, людей не оказалось, и для меня это была такая проверочка личная. Ничего, выдержал. Возвращался совсем другим - выключился из нашего ритма рваного с бардаком и безответственности... Пожалуй, у меня осталось самое теплое воспоминание о тех днях.

- Кирилл, а какие-нибудь курьезы вам припоминаются из телевизионной практики?

- Да уж... Но запомнился курьез из первых моих журналистских шагов. На радио центральное взяли какой-то там мой репортаж с забегом по Дороге жизни. Я тогда еще молодой был. Сделал текст, интервью. Дело было зимой. Я описал, как бегут сотни людей, какой морозный воздух, как скрипит снег. И надо было подложить под это соответствующую фонограмму, как это делается на радио, чтобы фон был. Спрашиваю в редакции: "Есть у вас что-нибудь спортивное?" - "Есть, все сделаем". Я не проверил, что сделали. Вышли в эфир. Звонит мне редактор, матерится на чем свет стоит. В качестве фона на мою морозную трассу наложили шум из закрытого стадиона, где все время отчетливо падала сбитая планка - этот металлический звук сбитой планки с другим не спутаешь...

- Кирилл, а какие-нибудь курьезы вам припоминаются из телевизионной практики?

- Да уж... Но запомнился курьез из первых моих журналистских шагов. На радио центральное взяли какой-то там мой репортаж с забегом по Дороге жизни. Я тогда еще молодой был. Сделал текст, интервью. Дело было зимой. Я описал, как бегут сотни людей, какой морозный воздух, как скрипит снег. И надо было подложить под это соответствующую фонограмму, как это делается на радио, чтобы фон был. Спрашиваю в редакции: "Есть у вас что-нибудь спортивное?" - "Есть, все сделаем". Я не проверил, что сделали. Вышли в эфир. Звонит мне редактор, матерится на чем свет стоит. В качестве фона на мою морозную трассу наложили шум из закрытого стадиона, где все время отчетливо падала сбитая планка - этот металлический звук сбитой планки с другим не спутаешь...

Надо заметить, что последнюю фразу, про звук со стадиона, который ни с чем не спутаешь, Кирилл сказал вдруг грустно - вроде как о первой любви вспомнил.